

Между популистами и консерваторами

Правый поворот на Западе
и российская «мягкая сила»

Вера Агеева

О развороте к консервативным ценностям во всеуслышание заговорили сравнительно недавно. Между тем одной из первых ласточек в Европе стали выборы в Нидерландах еще в 2010 г., тогда ультраправая «Партия свободы» получила 24 места в парламенте и оказалась третьей по величине политической силой. К 2014–2016 гг. правая тенденция набрала обороты: практически любое голосование в европейских странах добавляло влияния силам, называвшим приоритетом укрепление национального государства, высказывавшим недовольство интеграционными процессами и проникновением глобализации во все сферы жизни.

Такие националистические партии, как «Альтернатива для Германии», «Национальный фронт» во Франции, «Истинные финны», «Пять звезд» в Италии, Партия свободы в Австрии, ранее остававшиеся маргинальными, собирают теперь миллионы голосов. В некоторых странах традиционалисты, которые не стесняются оспаривать базовые ценности Евросоюза, приходят к власти. Яркий пример – правоконсервативная партия «Право и справедливость», в октябре 2015 г. одержавшая победу на выборах в польский Сейм. Она открыто выступает за очищение государственных органов и СМИ от либералов и космополитов. Получив по итогам выборов 235 мандатов из 460, «Право и справедливость» впервые

В.Д. Агеева – кандидат политических наук, руководитель аспирантуры Высшей школы менеджмента СПбГУ.

в посткоммунистической истории сформировала однопартийное правительство большинства.

Несомненно, «Брекзит» и победа в США Дональда Трампа, который декларировал изоляционистские установки во время кампании, – также симптомы правого поворота не только Европы, но и Запада в широком смысле. По наиболее распространенной оценке, сдвиг общественных настроений связан с кризисом глобализационного проекта: все более широкие круги западных обществ воспринимают его как не отвечающий их интересам, несущий риски для будущего. Как бы то ни было, причины правого поворота – тема отдельного исследования. В данной статье мы хотели бы взглянуть на эту проблему с другого ракурса: открывает ли правый поворот Запада возможности для российской «мягкой силы» и может ли он способствовать созданию благоприятной для страны международной атмосферы?

МОДА НА «МЯГКУЮ СИЛУ»

Как верно отмечает Яниса Маттерн, в начале XXI века концепция «мягкой силы» овладела воображением и ученых, и политиков во всем мире. Пишут и говорят о ней много, но понимают под ней зачастую совершенно разные вещи.

Автор концепции Джозеф Най, гарвардский профессор, а в прошлом видный американский дипломат, определял «мягкую силу» как способность влиять на других при помощи приобщающих (*cooptive*) инструментов, которые задают международную повестку дня, а также посредством убеждения и позитивной привлекательности. Он также обозначил три самых важных ресурса «мягкой силы» – культура страны (ее притягательность для других), политические ценности (при условии, что она их воплощает в политике) и внешняя политика (насколько остальные считают ее законной и моральной). Финансовые рычаги к «мягкой силе», согласно Джозефу Наю, не относятся: формы принуждения посредством экономического давления или угроз не могут быть примером влияния через притягательность. С другой стороны, военный потенциал – возможный источник «мягкой силы» государства, так как «хорошо организованная армия может быть предметом восхищения» зарубежных партнеров.

В России о «мягкой силе» активно заговорили в 2008–2009 годах. А в 2013 г. она получила нормативно-правовое закрепление в новой редакции Концепции внешней политики. «Мягкая сила» характеризуется там как неотъемлемая составляющая современной международной политики и «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии». В новой концепции, опубликованной в начале декабря 2016 г., постулируется важность использования «мягкой силы» для решения внешнеполитических задач.

За последние годы российская «мягкая сила» окрепла. Благодаря государственным институтам и общественным организациям, таким как Россотрудничество, Фонд «Русский мир» и Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, за рубежом серьезно заговорили о российской «мягкой силе» как об отдельном феномене. Об этом свидетельствует и рейтинг 2016 г., составленный агентством *Portland Communication* и Джонатаном Макклори, где Россия заняла 27-е место в тридцатке лидеров. Доклады европейских и американских мозговых центров также отмечают впечатляющие успехи (например, «*The Kremlin's Sleight of Hand: Russia's Soft Power Offensive in the UK*», выпущенный *The Henry Jackson Society*, а также «*Legacies, Coercion and Soft Power: Russian Influence in the Baltic States*», подготовленный *Chatham House*). Правда, стоит оговориться, что эти успехи воспринимаются большинством западных комментаторов как угрожающие и требующие адекватного ответа. Так что образ влиятельной в этой сфере страны не обязательно является позитивным.

Залогом успеха стало не только эффективное использование соответствующих институтов и инструментов. Постепенно российская модель обретает идейное содержание, особо важное для проецирования «мягкой силы» в мировой политике. Джозеф Най полагает, что в новую эпоху настоящая борьба развернется не между армиями, а между идеями, сюжетами и нарративами.

РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ КАК НАРРАТИВ

Российский сигнал внешнему миру неразрывно связан с внутренней политикой, в которой власти уже давно декларируют курс на

консерватизм. Манифестами нового российского консерватизма стали знаковые речи, произнесенные Владимиром Путиным в 2013 г.: послание президента Федеральному собранию и выступление на заседании Валдайского клуба.

В послании Федеральному собранию 2013 г. говорится, что на Западе «пересматриваются нормы морали и нравственности, стираются национальные традиции и различия наций и культур». Российское общество не принимает подобную ревизию. Народ остается приверженным ценностям традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, не только материальной, но и духовной, ценностям гуманизма и разнообразия мира. При этом российский консерватизм надо понимать с позиций философа Николая Бердяева, который говорил, что смысл консерватизма заключается в том, что он препятствует движению не вперед и вверх, а назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию.

Николай Бердяев стоит особняком в российской политической мысли, не укладывается в основные направления, которые принято выделять в отечественном консерватизме. Некоторые эксперты полагают, что при формулировании манифестов современного консерватизма выбор на Бердяева пал отчасти случайно. Однако нам представляется, что он мог стать неосознанно правильным.

Особенность позиции Бердяева как «певца свободы» ярче всего проявляется в сравнении с основными направлениями отечественной консервативной мысли. Зарождение консервативной философии в России относится к первой половине XIX века. Тогда оформились два течения, существующие и поныне.

Первое – государственно-охранительное, у истоков которого Николай Карамзин и Сергей Уваров с триадой «православие, самодержавие, народность». Согласно ему, самодержавие и особое значение власти играли ключевую роль для российской ментальности. На сегодняшний день можно говорить о том, что подобные установки лежат в основе социал-консерватизма (левого консерватизма), который является идейным базисом для КПРФ, Изборского клуба, неоевразийства.

Второе направление принято отождествлять со славянофильской традицией, которая в отличие от государственно-охранительного

варианта всегда выдвигала на первый план русский народ и его самобытную культуру, а государство рассматривало лишь как инструмент сохранения и развития русской народности. Впоследствии славянофильская традиция легла в основу «белого» (правого) консерватизма или, как его нынешнюю версию называет Николай Работяжев, умеренного национал-консерватизма. От славянофильства в «белом» консерватизме осталась безоговорочная любовь к русскому народу и вера в особую миссию русской культуры.

Бердяев не относится ни к первому, ни ко второму типу. Его принято отождествлять с так называемым «либеральным консерватизмом», который оформился в русской эмиграции в 1930-е гг. в среде «новоградцев» (по названию интеллектуального кружка вокруг журнала «Новый Град»). Это течение отличает приверженность индивидуальной свободе, демократическому правовому государству и неприятие антизападнических и изоляционистских установок традиционных российских консерваторов. Относительно места России на оси Запад – Восток представители либерального консерватизма занимали двойственную позицию. Ярче всех ее выразил Федор Достоевский, утверждавший, что у русского человека два отечества – Россия и Европа.

Версия либерального консерватизма во многом перекликалась с идеологиями христианско-демократических партий, возникших в послевоенное время в ФРГ и Италии. Однако в постсоветской политической мысли она оказалась невостребованной и, как можно констатировать сейчас, не стала частью зарождающейся российской идеологии. Впрочем, ее выработка только началась. По мнению специалистов, в реальной внутривнутриполитической практике пока доминирует так называемый властный или номенклатурный консерватизм, основной целью которого является поддержание статус-кво в сложившихся отношениях между обществом и властью.

Можно ли утверждать, что в своей внешней политике Россия транслирует идеи либерального консерватизма Николая Бердяева? Ответ скорее отрицательный. Как и во внутренней политике, идеи Бердяева в качестве основы российского внешнеполитического нарратива требуют развития и уточнения.

Бердяев не разработал полноценной концепции либерального консерватизма. Но в качестве его основы он предложил приоритет

индивидуальной свободы, демократического правового государства, а также неприятие антизападнических и изоляционистских установок традиционных российских консерваторов. Дальнейшее наполнение этой рамки возможно на основе идей Бердяева о ценностях и целях развития человека, общества и мира, изложенных им в разных работах («Философия неравенства», «Судьба России», «Новое средневековье», «Смысл истории» и других). Нам кажется целесообразным рассмотреть идеи Николая Бердяева в двух плоскостях: практической и метафизической.

Что может представлять собой либеральный консерватизм в практическом смысле? Бердяев был убежден, что построение консервативного, но счастливого общества возможно лишь при безусловном уважении человеческой личности и ее значении для общества и государства. Поэтому все демократические достижения XX столетия должны оставаться частью государственного устройства и в веке XXI. Вместе с тем, согласно Бердяеву, каждый народ должен беречь свои национальные традиции – источник его творческой энергии и залог успешного развития общества. Как раз в этом смысле консерватизм «не препятствует движению вперед и вверх, а... препятствует движению назад и вниз». Традиции сильного государства и сильного национального лидера, которых Россия придерживается при разных формах правления на протяжении десятилетий и веков, как нельзя лучше отвечают вызовам века глобализации. Его бичом стали неконтролируемая миграция и распространение терроризма. Практическая модель либерального консерватизма, несомненно, требует метафизического обоснования, так же как и западная либеральная модель опиралась на философию постмодерна.

Метафизика либерального консерватизма берет свои истоки в начале XX века, когда Николай Бердяев вместе со многими современниками говорил о том, что Европа зашла в тупик и начался кризис европейской идентичности. Согласно Бердяеву, начиная с эпохи Просвещения Европа отказалась от своей культуры и стала на путь создания цивилизации, отрицающей Бога и порабощающей природу. Европейское общество поставило целью создание мира, который обеспечивал бы комфортное существование человека и снимал бы с него ответственность перед Богом и природой.

«Торжество мамонизма в Европе» завело ее в цивилизационный тупик. Для философа очевидно, что все катастрофы XX века – крахи империй, мировые войны, нацизм и фашизм – последствия судьбоносного выбора Европы в эпоху Просвещения.

Сейчас кризис в Европе продолжается уже в других, современных, формах. Исторические параллели к событиям столетней давности только усиливают ощущение, что экзистенциальные противоречия европейского бытия, казалось, разрешенные во второй половине XX века, проявляются вновь.

Уникальный и, к сожалению, временами катастрофический исторический опыт России дает ей право предложить миру свои рецепты. По мнению Бердяева, Россия так и не смогла обустроить у себя цивилизацию в том смысле, в котором это сделала Европа. На протяжении всей истории Россия выдвигала в качестве приоритета культурное и духовное развитие, иногда в ущерб материальному. Это имело, естественно, разнообразные последствия. Но в понимании Бердяева, не пройдя европейского пути к цивилизации, Россия может вернуть западный мир к настоящей культуре, которая обеспечивает связь человека с человеком, Богом и природой.

ЕВРОПА ПОСЛЕ ПОСТМОДЕРНА

В Европе на смену постмодерну приходит постсекулярное общество, о котором впервые заговорил немецкий философ Юрген Хабермас в 2006 году. Согласно его определению, постсекулярное общество характеризуется демократическими дискуссиями, в которых используются религиозные аргументы. Вопросы веры и религии не остались в прошлом. В современной Европе растут прохристианские силы – например, в Польше, Венгрии, Италии. Прилагательное «христианский» в названиях многих консервативных партий давно утратило прямое значение, однако сейчас спрос на него может вернуться.

Россия умело использует консервативные идеи, играя на внутрисистемных противоречиях по обе стороны Атлантики. Российский консерватизм во внешней политике и внешнеполитической пропаганде ситуативен и обусловлен конъюнктурой. Он служит объединяющей платформой с политиками, идеи которых тактически выгодны России (например, венгерский премьер

Виктор Орбан, противостоящий Брюсселю). Но в более сложных случаях, как, например, российско-польские отношения, идеологическая схожесть не способствует снятию политических противоречий. Между тем как раз в Польше наблюдается очевидное тяготение общества и влиятельной части политической элиты к традиционным ценностям, которые в иной ситуации были бы весьма близки многим российским декларациям.

В долгосрочной перспективе подобное положение вещей может негативно сказаться на способности российского нарратива влиять на зарубежные аудитории. Уже сейчас в сознании западной элиты и даже простых граждан российский консерватизм начинает ассоциироваться не с идейными поисками путей преодоления негативных последствий глобализации, а с подъемом ультраправых. Характерно, что в зарубежной академической и публицистической среде партии «Национальный фронт», венгерский «Йоббик», австрийская и голландская Партия свободы, Партия независимости Соединенного Королевства и прочие не соотносятся с понятием «консерватизм». Зарубежные эксперты и журналисты определяют их в первую очередь как популистские силы. Это не всегда говорит о желании навесить ярлык (хотя на фоне информационной войны, разгоревшейся теперь уже и во внутренней политике ведущих стран, это явно одна из мотиваций). Речь идет о стремлении разделять конструктивные идеологии, способные предложить реальные способы решения накопившихся проблем, и демагогию, которая, будучи патологией современной демократии, играет на страхах рядовых граждан и не несет позитивной повестки дня. Исследования показывают, что европейцы и американцы устали от коррумпированного истеблишмента, не способного решить обостряющиеся проблемы социально-экономического развития и безопасности. Например, согласно опросам, 39% французских избирателей готовы голосовать за любого внесистемного кандидата на ближайших выборах, а в США в демократию верят только 30% молодежи в сравнении с 75% в 1930 году. Западное общество переживает системный кризис и ищет ответы на вызовы, которые бросает миру неконтролируемая глобализация.

В этой уникальной ситуации перед Россией открывается возможность выработки собственной идейной концепции, в опреде-

ленной степени – альтернативы восторжествовавшей на Западе философии постмодерна. Судя по меняющимся настроениям избирателей, в среднесрочной перспективе западным правящим элитам придется сместиться от полностью либеральной концептуальной базы и взять на вооружение некоторые консервативные установки. Во-первых, чтобы ответить на запрос общества, которое требует большей безопасности даже в ущерб демократическим идеалам, а во-вторых, чтобы отыграть козыри у популистских партий. При этом пока трудно вообразить ренессанс откровенно реакционных или шовинистических подходов; качнувшись в обратную сторону, маятник едва ли подойдет к крайней позиции. И либерально-консервативные идеи Бердяева, к которому российские идеологи уже обращались в 2013 г., вполне могут оказаться востребованы.

ЦЕННОСТНАЯ «ДОРОЖНАЯ КАРТА»

Для российского нарратива и «мягкой силы» очень важно скрупулезно анализировать развитие и трансформацию европейского общества. Какие ценности сегодня наиболее востребованы в Европе? Какие идеологические изменения происходят в западном обществе? Карта ценностей Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля красочно иллюстрирует нынешние умонастроения в разных странах мира. В ней по двум осям «Традиционные vs рационально-секулярные общества» и «Цели выживания vs цели саморазвития» страны распределены по девяти группам, ранжированным по восходящей от традиционных обществ выживания до рационально-секулярных обществ, где уровень развития позволяет людям концентрироваться на саморазвитии и самовыражении. К традиционным обществам отнесены государства африкано-исламской группы, Латинская Америка, часть православных стран, часть Южной Азии и часть стран англоговорящего мира. Однако только в англоговорящих и частично в странах Латинской Америки традиционализм удастся совмещать с успешным развитием, позволяющим людям ориентироваться на ценности саморазвития. Из европейских стран наиболее консервативны Польша и Ирландия. Польша даже отнесена Инглхартом и Вельцелем к группе латиноамериканских стран. Европа на карте представлена в виде трех групп: католическая, протестантская и страны Балтии. Протестантская

Европа и Прибалтика расположены на наибольшем удалении от традиционалистского максимума. Католическая Европа находится в ценностной середине, при этом самыми приближенными к консервативным идеям являются Греция, Португалия, Кипр и Хорватия. Примечательно, что страны, в которых пользуются популярностью крайне правые партии – Австрия, Венгрия, Франция – по итогам исследования, не оказались в группе консервативных.

При этом наблюдается тенденция традиционализации той же самой Венгрии. Ярким примером является речь, произнесенная премьер-министром Виктором Орбаном в 2013 г. в Лондонском королевском институте (*Chatham House*) под названием «Роль традиционных ценностей для будущего Европы». Согласно Орбану, чтобы выйти из цивилизационного тупика, Европа должна остановить атаку на традиционные ценности, то есть на церковь, семью и нации. В его понимании «европейская демократия построена на христианстве, и только возвращение к христианским корням способно предотвратить вымирание Европы». Эту позицию полностью разделяют элита и общество Польши, которая сейчас также является бастионом традиционных консервативных ценностей в Европейском союзе.

Данные установки звучат в унисон с нарождающейся российской консервативной идеологией, повторяя почти слово в слово речь Владимира Путина на Валдайском форуме в 2013 г., где говорилось, что многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, который приведет их к цивилизационному тупику.

Консервативный поворот в Европе действительно может предоставить новые возможности российской «мягкой силе». Однако она должна ориентироваться не на популизм, востребованный в преддверии выборов и на фоне утраты доверия к системным партиям. В политическом пространстве Запада разгорелось острое соперничество за будущее идеологическое лидерство. В самой яркой форме это проявляется сейчас в Соединенных Штатах, где победа Трампа не только не положила конец межпартийному (а в его случае – и внутрипартийному) противостоянию, но и означала эскалацию полемики. Как отмечал Андрей Безруков, на Западе начался процесс переустройства политико-идеологического поля.

На первом этапе это означает подъем радикальных и зачастую совершенно безответственных сил, отражающий спонтанно выплескивающееся недовольство. Однако это лишь переходный период, и после него будут формироваться новые или обновленные политические силы умеренного и ответственного толка.

Трансформации в мировом политическом пространстве уже начались. В ходе президентской гонки в США Берни Сандерс возобновил дискуссию о демократическом социализме как об отдельном направлении американской политики. В Европе обсуждается «модернизация» консервативного политического крыла: например, речь идет о новом прогрессивном консерватизме. Суверенизация внутренней политики государств – общая тенденция, которая оказывает значительное влияние на консервативные круги в Европе и Америке. Отвечая на запрос электората, консерваторы настраивают политическую программу на протекционистскую волну в сфере экономики, безопасности, а также культуры и национальной идентичности. Эти основные тренды определяют в краткосрочной перспективе смещение консервативного крыла вправо, дабы успешнее конкурировать с популистскими партиями.

России следует быть осторожной, работая с теми группами и движениями, которые наиболее заметны сегодня и считаются популистскими. У них, как правило, нет продуманной программы действий, а их лозунги скорее являются инстинктивными ответами на недовольство избирателей. Нет сомнения, что эти партии повлияют на формирование политического ландшафта, однако маловероятно, что они будут основными игроками в будущем. Слишком тесная ассоциация с ними может сузить поле возможностей для России на более длительную перспективу.

Российская «мягкая сила» должна выработать широкий и долгосрочный нарратив, способный дать конструктивные ответы на вызовы, брошенные и российскому, и западному обществу. В этом смысле модель либерального консерватизма Николая Бердяева, сочетающая в себе идеи традиционного общества и либеральные установки о ценности человеческой личности и приоритете правового государства, содержит основу альтернативного дискурса, который Россия может предложить взамен исчерпавшей себя диктатуры постмодерна.